

СМЕРТЬ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ

АНОТАЦІЯ

Грунтуючись на релігієзнавчому і культурологічному підходах, в даній статті міститься аналіз аксіологічної та регулюючої функцій християнської картини смерті. Розкривається роль танатичної міфології в смисло--життєвому орієнтуванні особистості та пробудженні в ній критичної самосвідомості.

Ключові слова: смерть, танатичний міф, есхатологія, християнська картина світу, цінності, аксіологія, смисло-життєвий вибір, механізм регулювання.

АННОТАЦИЯ

Основываясь на религиозноведческом и культурологическом подходах, в данной статье содержится анализ аксиологической и регулирующей функций христианской картины смерти. Раскрывается роль танатической мифологии в смысло-жизненном ориентировании личности и пробуждении в ней критического самосознания.

Ключевые слова: смерть, танатический миф, эсхатология, христианская картина мира, ценности, аксиология, смысло-жизненный выбор, механизм регулирования.

SUMMARY

Based on religious science and culturological approaches, this article contains analysis of the axiological and regulatory functions of Christian images of death. Reveals the role of танатической mythology in sense-behavioral orientation identity and revival in it a critical self-awareness.

Key words: death, танатический myth, eschatology, the Christian worldview, values, axiology, meaning-life choices, the mechanism of regulation.

Процесс человеческой жизнедеятельности всегда предполагает выбор определенной ситуации, и каждый выбор ставит сознание выбирающего в положение «между». Философская и религиозная мысль, оценивая разнообразные ситуации жизненного выбора, стремится предложить человеку осуществить свой выбор соответственно с ценностной шкалой определенной культуры, позиции которой отстаиваются отдельными мыслителями. С этой целью вырабатываются культурные механизмы регулирования сознания людей в его направленности к осуществлению идеала.

В христианстве идеалом служит достижение личностью состояния святости, означающее полное освобождение жизни человека от мирской зависимости и ее возвышение на божественный уровень – «жизнь в абсолютной гармонии с Богом», «жизнь со Христом и во Христе». В своей Нагорной проповеди Иисус Христос обращается с призывом: «Не собирайте сокровища на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше» [1, Мф. 6:19-21]. В указанном императиве прослеживаются два его основных компонента: 1) констатация двух универсальных стратегических ориентиров в вопросе о смысле жизни – эмпирического и трансцендентного, 2) решение вопроса о выборе между названными интенциями в пользу трансцендентного ориентира. Такое решение основывается на критике эмпирической действительности как условной сферы человеческого бытия, «где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». Эта критика сопровождается ультимативным призывом

устремиться к небесным (божественным) ценностям. На языке богословской мысли оппозиция эмпирического – трансцендентного выражается оппозицией божественного – мирского, с которой тесно соотносится третий вид оппозиции – между духовным и плотским. «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут... Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; Ибо живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии; потому что вы не приняли духа рабства, но приняли духа усыновления...» [1, Рим. 8:6-8, 12-15]. В цитированном фрагменте прослеживаются три основных компонента: 1) констатация двух универсальных стратегических ориентиров в вопросе о смысле жизни – «жизнь по плоти» и «жизнь по Духу», 2) решение вопроса о выборе между названными интенциями в пользу духовно-божественного ориентира; 3) сакральные санкции за осуществленный выбор – жизнь и смерть.

Названные санкции выглядят двумя противоположными вариантами конечного воздаяния за совершенный человеком выбор жизненного пути, и они выражены в эсхатологическом мифе о финальных судьбах людей. С эсхатологической мифологией тесно увязывается танатический миф, предметом которого выступает картина смерти человека. Указанный миф подвергается теологической интерпретации и концептуализации, а в системе теологии он именуется частным судом. Осмыслить содержание указанного мифа в богословском его толковании служит целью настоящей статьи. Основным методом в достижении поставленной цели выступает религиоведческая реконструкция танатологических представлений христианства в тесном сочетании с философским и культурологическим инструментарием.

В христианской антропологии смерть трактуется в двух основных измерениях – телесная смерть (как разлучение души и тела) и духовная смерть (как разлучение души и Бога). Первая смерть рассматривается общим достоянием человеческого рода, приобретенного по вине «ветхого» Адама, грехопадение которого повредило человеческую природу, сделавшейся смертной. Вторая смерть рассматривается следствием духовного падения отдельного человека, обреченного на ситуацию богооставленности.

Согласно христианской картине мира, телесная смерть является исходным пунктом перехода души в сферу загробной жизни в соответствии с воздаянием за прожитую жизнь на земле. «Благочестивые перестают временно жить, но начинают вечно, а нечестивые же, переставая временно жить, перестают и вечно, но временную жизнь переменяют на вечную смерть», – отмечал известный российский православный мыслитель XVIII ст. Тихон Задонский [9, 980].

Обычно представление об эсхатологическом воздаянии в христианстве часто сводят к финальным судьбам человеческих душ в раю или в аду. Между тем, воздаяние душам за образ их земной жизни уже прослеживается в картине самого момента смерти. Не только в существенном отношении противоположна конечная участь праведника и грешника, но также диаметрально противоположна их земная кончина. «Смерть для верующих во имя Иисусово есть не что иное как разлучение души с телом, и вместе с тем переход от бедствий мира сего к благам небесным», – подчеркивал другой известный российский православный мыслитель XVIII ст. Дмитрий Ростовский [4, с. 738]. Известный православный писатель XIX ст. Игнатий (Брянчанинов) в своем произведении «Слово о смерти» приводит высказывание аскетического писателя по имени Феогност, подчеркивающего неизреченную сладость души праведника, которая «без печали отлагает тело, мирно выходит из него к Свыше посланному за ней Ангелу, светлому и тихому» [5, с. 154]. В названном произведении описывается видение одного старца смерти праведника:

«Когда настал час его успения, старец увидел, что Архангелы Михаил и Гавриил низошли за его душой. Один сел по правую, другой – по левую сторону странника и начали упрашивать душу его, чтобы она вышла. Она не хотела оставить тела и не выходила. Тогда

Гавриил сказал Михаилу: «Возьмем душу и пойдем». Михаил отвечал: «Нам повелено Господом взять ее без болезни, не можем употребить насилия». Вслед за этими словами Михаил воскликнул громким голосом: «Господи! Что повелишь об этой душе? Она не повинуется нам и не хочет выйти». И пришел ему глас: «Вот! Я посылаю Давида с Псалтырью и певцов Божиих Иерусалима Небесного, чтобы душа, услышав псалмопение и гласы их, вышла». Они низошли и окружили душу, воспевая гимны: тогда она вышла на руки к Михаилу и принята была с радостью» [5, с. 115-116].

Другой пример смерти праведника приводит известный христианский мыслитель второй половины VI в. – начала VII в. Григорий Великий Двоеслов. Когда душа одного пресвитера лежала на смертном одре, он неожиданно закричал: «Добро пожаловать, Господа мои...; как вы удостоили посетить такого ничтожного раба вашего? Иду, иду, благодарю вас, благодарю». Окружившие пресвитера люди поинтересовались: кому это он говорит, на что умирающий ответил: «Неужели не видите пришедших сюда святых апостолов? Неужели не замечаете первых апостолов Петра и Павла?» Потом, обратившись к апостолам сказал: «Иду, иду», и с этими словами предал душу Богу [8, с. 636-637]. Комментируя данную ситуацию, Григорий Двоеслов отмечал: «Часто случается с праведниками, что во время своей смерти видят предшествующих им святых, дабы не страшилась их мучительная мысль о смерти, чтоб они безболезненно и безбоязненно разрешались от уз своей плоти, в то время представляется перед умственными очами их общество граждан небесных» [8, с. 637].

Оба приведенных выше примера смерти праведника призваны подчеркнуть идею «смертной радости» в противовес «смертному страху». Этим самым рассматриваемый миф выполняет психо-терапевтическую функцию, осуществляя трансформацию негативных эмоций в позитивные. Однако танатический миф стремится в значительной степени усилить эффект смерти праведника, увенчивая его венцом славы. «Смерть праведников есть конец борьбы со страстями плоти: по смерти ратоборцы прославляются и приемлют победные венцы», – писал известный христианский писатель IV в. Ефрем Сирийский [10, с. 366]. «Успокаиваются они, умирая на время, как вечером после трудов, и как после сна, восстанут из гробов и облекут в славу» [10, с. 366]. Смерть, избавляя праведника от трудов, от борьбы со страданиями плоти, вводит его в «тихую пристань свободы» и увенчивает наподобие Моисея, – утверждал мыслитель [10, с. 367]. Прославление праведника выглядит наградой за подвиги в духовном труде и в духовной борьбе с плотскими страстями, или священной санкцией за добродетельную жизнь на земле.

В житии пустынножителя Сисоя Великого (V в.) описывается как накануне его кончины перед ним постепенно, невидимо для присутствующих, появились пророки, апостолы и ангелы, вследствие чего лицо умирающего все более и более сияло пока не стало сиять подобно солнцу. Тогда старец сказал: «Вот приходит Господь, взирайте все. Он говорит: принесите Мне избранный сосуд из пустыни!». При этих словах преподобный скончался, а в небе сверкнула молния и «храмина наполнилась благоуханием» [3, с. 119-120].

Согласно христианской эсхатологии, души праведных, разлучившиеся с телом, восходят на небо, наслаждаются там блаженством в ожидании воскресения тел. Разлученное с душой тело продолжает существовать в тлении как семя в земле, в ожидании вторичного соединения с душой. Однако тела праведников, наделенные божественной благодатью, противостоят тлению и вместо зловонного запаха, распространяющего вокруг эпидемию, они издают благоухание, которое способствует исцелению. «Такие тела, – пояснял Игнатий (Брянчанинов), – вместе мертвы и живы, – мертвы по естеству человеческому, живы по присутствию в них Святого Духа. Они свидетельствуют, в каком величии и святости создан Богом человек, и что это величие, эта святость возвращены искуплением» [5, с. 76].

Напротив, в случае смерти грешника, за его душой является представитель ада, вонзающий в нее огненный трезубец и несколько часов мучающий душу [5, с. 115]. Ряд ярких и впечатляющих примеров смертных мучений грешных душ приводит Григорий Двоеслов. В частности, он повествует о смерти одного грешного инок. Когда к умирающему явилась братия, он с ужасом им поведал: «Когда вы думали, что я пощусь

вместе с вами, я тайно ел, и вот теперь предан дракону для пожирания, который хвостом своим опутал мои колена и ноги, а голову свою всунул в мой рот и высасывает мою душу». С этими словами инок умер. «...Дракон, которого он видел, не ждал, пока он освободиться от него покаянием», – комментировал Григорий Двоеслов [8, с. 680].

Другой назидательный пример смерти грешника приводился с отроком Федором, который, живя в монастыре, не желал вести монашеский образ жизни. Когда он приблизился к смерти, братья явилась к нему и ревностно молилась об умирающем. Вдруг Федор вскричал: «Отойдите, отойдите; я отдан на съедение дракону, но он не может пожрать меня по причине вашего присутствия. Голову мою он проглотил уже; дайте ему место, чтобы не мучил меня более, но сделал со мною что хочет. Если я отдан ему на пожирание, то зачем из-за вас терплю замедление?» Изумленная братия предложила умирающему наложить на себя крест, на что он ответил: «Хочу перекреститься, но чешуя дракона препятствует мне». Однако усердная молитва братии отогнала от умирающего Федора дракона [8, с. 678-680].

Картину смертного воздаяния праведникам и грешникам следует расценивать как воплощение в танатическом мифе идеала справедливости, восполняющего его дефицит в общественной жизни. Описываемые в мифе видения ангелов, принимающих душу праведника, и дракона, пожирающего душу грешника, представляют собой специфический язык данного мифа, посредством которого он кодирует не только фантастическую картину акта земной кончины индивида, но также реальное стремление человеческого сознания к утверждению справедливости. Указанную потребность человеческой экзистенции выразил в «Слове о смерти» Игнатий Брянчанинов: «Что совершает с нами смерть? Неужели там нет воздаяния за добро и зло, совершаемые людьми на земле произвольно и непроизвольно? Неужели нет этого воздаяния. Тогда как зло на земле по большей части преуспевает и торжествует, а добро гонимо и страдает?» [5, с. 75]. В данном высказывании не только прослеживается горячее желание справедливости, но также протест против широко распространенного в обществе зла и несправедливости. Все это отражается в танатическом мифе, который, несмотря на свою фантастическую форму выражения действительности, как это принято считать в мифологической критике, содержит в собственной картине мира нравственное ее измерение, включающее в свое содержание нравственную критику и стремление к нравственному порядку.

Острие христианской критики в основном сосредоточено на мирской суете. Под миром аскетика подразумевает собирательное понятие, обозначающее страсти. «По умозрительному исследованию, – писал известный православный подвижник VIII в. Исаак Сириянин, – миром называется и состав собирательного имени, объемлющего собою отдельно взятые страсти. И когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями» [7, с. 32]. На вопрос: что такое мир следовал ответ, оценивающий его в качестве блудницы, которая привлекает к себе окружающих своею вожделяющей красотой [7, с. 159]. Таким образом, мир рассматривается не в космологическом аспекте, но в аксиологическом отношении. Соприсутствие человека и мира означает регулярные «вызовы» мирских страстей, обращенных к человеку и побуждающих его сознание к осуществлению выбора определенной жизненной позиции – ситуацию принятия его ценностей или ситуацию разрыва с ними. Поэтому аскетическая критика мирской суеты выглядит как удаление и уединение от всех страстей, освобождение личности от зависимости с их стороны.

Разновидностью аскетической критики суеты мира служит размышление о смысле жизни перед лицом смерти, что настоятельно предписывается подвижниками христианского благочестия. В данном случае важно обратить пристальное внимание на брэнности человеческого естества и условности его земного существования. В качестве примера такого размышления приведем слова из духовно-нравственных назиданий Ефрема Сирина:

«Придите, братия, посмотрите на это тление при гробах. Как самовольно властвует смерть, как губит она человечество и расхищает его с презорством!.. Придите, посмотрите на этих червей, которые покрывают тлеющие тела, во множестве поверженные смертью в граде

мертвых Гамона (Иез. 36, 18). Там, как видимый образ разрушения, лежат мертвые тела, изъеденные молью и червями, которые не уважают никакой гордыни, посрамляют всякого заблудшего, гонящегося за суетами этого скорбного мира. Придите любезные и прекрасные, и во гробе, этом месте скорбей, увидите страшное зрелище: сотлевет там всякая красота, в прах обращается всякий наряд, и, вместо благоухания, смрад тления гонит прочь всякого приходящего, почему никто не может туда взойти и посмотреть на ближнего своего... Придите, славные земли, величающиеся и превозносящиеся своими преимуществами, и вместе с нами посмотрите на сие посрамление в шеоле. Одни из них были некогда властелинами, другие – судьями; они величались венцами и колесницами, но теперь все попираются ногами, смешаны в одну кучу праха; как одинакова их природа, так и одинаково и тление. Склоните взор сий во гробы, юноши и дети, красующиеся своими одеждами, гордящиеся своею красотой, и посмотрите на обезображенные лица и суставы; подумайте об этом жилище скорбей. Ненадолго человек остается в мире, а потом переселяется сюда. Поэтому возненавидьте суету; она обольщает своих служителей, рассыпается во прах и не достигает конца своих стремлений. Придите вы, безумные корыстолюбцы, которые собирали кучи золота, строили величественные дома и гордились имениями, рабами и наемниками...; придите и устремите взор в гробы и посмотрите: там бедный и богатый смешались вместе, как будто и были они одно» [10, с. 455-456].

Георгий, задонский затворник (XIX в.) наставлял постоянно помнить и размышлять о смерти, последующем суде Христа и о загробной участи в раю или в аду. «О сих рассуждениях, – замечал он, – есть истинная христианская философия, которая научает не натуру вещей испытывать, но суету мира, краткость времени и долготу вечности познавать и сердце обращать от видимых к невидимым и от временных к вечным» [Георгий, с. 84]. «Как хлеб нужнее для всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деяний», – писал известный подвижник VI-VII вв. Иоанн Лествичник [6, с. 86].

Размышление о смерти рассматривается аскетами в тесной связи с аскетической практикой. По их мнению, память о смерти должна послужить побудительным фактором «духовной брани» против соблазнов мира, а также к труду по накоплению духовных добродетелей. «Как бездну некоторые представляют себе бесконечную, и место оное называют бездонным, так и помышление о смерти рождает чистоту нерастлеваемую и делание бесконечное... Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть; а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник», – наставлял Иоанн Лествичник [6, с. 89]. «Когда приблизишься к одру своему, скажи ему: о, одр мой! Не сделаешься ли ты в эту ночь моим гробом? Мне неизвестно, не постигнет ли меня в эту ночь, вместо временного сна, будущий вечный сон. Доколе имеешь персты, распни их на молитву, прежде чем придет смерть. Доколе имеешь очи, исполни их слез, прежде, нежели они покроются прахом.... О человек! Вкорени в свое сердце твое мысль о твоём отшествии и напоминай себе непрестанно: Вот! Посланник, долженствующий прийти за мною, уже достиг дверей. Что сию? Отшествие на веки безвозвратное», – писал Игнатий (Брянчанинов) [5, с. 185]. Он назвал смерть «сожительницей жизни», с которой можно засыпать, беседовать и исследовать, что будет с человеком после разлучения души с телом. Повседневное общение со смертью способно порождать плач, побуждение к воздержанию от мирских страстей, «бесстрастие брения при посредстве обнаружения его бренности» [5, с. 188, 189].

Христианские аскеты называли смерть не только «сожительницей», но и «учительницей» жизни. Как полагал Дмитрий Ростовский, никакая проповедь, никакое сладкоголосное слово не способно так научить как вид смерти перед глазами людей. Ее вид характеризовался им как уста, заключенные мертвенностью, неподвижный согнивший язык и безгласная гортань, которые взывают громче трубы, проникающей в сердце каждого человека. «Итак, мы не погрешим, – отмечал мыслитель, – если назовем смерть вселенским учителем, ибо она вопиет каждому во вселенной: «Умрешь, умрешь, никакими ухищрениями ты не избежешь смерти! Смотри на мертвый труп во гробе и внемли тому, что если не

словом, то самым делом он говорит тебе: «Я был такой же, какой ты ныне; но каков я теперь, каким и ты будешь вскоре; то, что для меня теперь, то для тебя завтра. Помни кончину твою, чтобы не грешить, помни о смерти, чтобы не согрешить смертью». Вот каким учителем является для нас смерть: смерть бывает учителем» [4, с. 730]. Игнатий (Брянчанинов) считал полезным возбуждать в сознании воспоминание о смерти посещением кладбища, больных, присутствием при кончине и погребении близких, частым обновлением в памяти различных видов смерти, чтобы уразуметь краткость земной жизни человека и суетность всех земных ценностей [5, с. 192].

Аскетический императив «помни о смерти, чтобы не грешить» призван устремить человека к нравственному выбору в направлении духовной деятельности. Память о смерти рассматривается в контексте приготовления к смерти в качестве регулярно совершаемой добродетели. В систему подготовки к смерти включается воздержание от страстей и пороков, очищение от них посредством исповеди, а также совершение благодеяний в пользу окружающих людей. Например, Игнатий (Брянчанинов) призывал не терять времени и употребить земную жизнь человека соответственно с отведенным ему Богом назначением «убить убившую нас смерть и возратить себе утраченный рай» [5, с. 194].

Все вышеизложенное позволяет убедиться в том, что христианская танатическая мифология и танатологическая мысль не сводятся только к описанию и объяснению загробной картины Универсума. Важнейшими ее функциями также служит аксиологическое ориентирование личности в сфере ее социальнокультурного окружения и посредством этого регулирование выбора смысло-жизненных ориентиров в контексте ценностной шкалы христианской культуры. Можно с полным основанием утверждать двухвекторность танатологической обращенности христианства – в эсхатологическую (потустороннюю) и социокультурную (посюстороннюю) сферы. В первом случае смерть выглядит границей перехода в запредельное бытие, дифференцируемое на конечную судьбу праведников и грешников. Во втором случае – с оглядкой на конечную судьбу, смерть представляется немаловажным звеном в системе механизма социального и культурного регулирования. В пространстве христианской культуры смерть рассматривается существенным фактором пробуждения в личности критического самосознания и мирознания в направлении богосознания и созидания духовного идеала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Библия. – Б.и. Б.г. – 1000 с.
2. Георгий, затворник Задонский. Письма о духовной жизни. Передаю вам слово души моей. – М. : Изд. Сретенского монастыря, 2008. – 672 с.
3. Димитрий Ростовский Жития святых : в 12 кн. – Кн. XI, июль. – Краматорск : Изд. ЗАО «Тираж 51», 720 с.
4. Димитрий Ростовский. Слово на поминование // Свт. Димитрий Ростовский. Поучения. Слова : в 2 т. – Т. 2. – М., 2005. – 732-747.
5. Игнатий (Брянчанинов), епископ Черноморский и Кавказский. Слово о смерти // Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Черноморский и Кавказский. Собр. соч. : в 6 т. – Т. 3. – Краматорск, ЗАО «Тираж-51». – 2001. – С. 74-194.
6. Лествица преподобного Иоанна, игумена горы Синайской / Лествица. – 3-е изд. – К.: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2007. – 320 с.
7. Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова о подвижничестве. – М. : Лепта Кенига, 2010. – 800 с.
8. Свт. Григорий Великий Двоеслов. Избранные творения: Библиотека отцов и учителей Церкви. – М. : Паломник, 1999. – 735 с.

9. Святитель Тихон Задонский. Об истинном христианстве : в 2 кн. – Кн. 2 // Святитель Тихон Задонский. – Соч. : в 5 т. – Т. 4. – М. : Изд. Свт. Игнатия Ставропольского, 2003. – 992 с.
10. Святой Ефрем Сирин. Творения : в 8 т. – Т. 4. – М. : Изд. Отдел Московского патриархата, 1994. – 533 с.